

Юля Болдырева

ТРЕХНОГАЯ СОБАКА

Скетчи-о-трёх-ногах

Юля Болдырева Трёхногая собака. Скетчи-о-трёх-ногах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477717

ISBN 9785005921833

Аннотация

Один раз я наблюдала, как собака без одной ноги шла по улице. Бежала она несуразно. Тело её раскачивалось, собака припадала на единственную заднюю ногу. Мне стало её жаль. Но собаке не нужна была моя жалость. Она не понимала своей неполноценности. Мои писательские скетчи – этикие собаки-о-трёх-ногах. Если у кого-то ёкнет внутри, я победила. Если нет, ничего страшного. Собаке, по сути, всё равно.

Содержание

Почему собака трёхногая?	5
Питер Пэн умер	6
Песня	7
Папа	9
Убийство	11
Планета	13
Молитва	15
Пасха	17
Воздух	19
Роддом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Трёхногая собака Скетчи-о-трёх-ногах

Юля Болдырева

Иллюстратор Лилия Родникова

© Юля Болдырева, 2022

© Лилия Родникова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0059-2183-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему собака трёхногая?

Один раз я наблюдала, как собака без одной ноги гуляла по улице. У неё был ошейник, поводок и столб с запахами – все радости собачьей жизни.

Бежала она несуразно. Тело её раскачивалось, собака припадала на единственную заднюю ногу. Я смотрела на неё с жалостью. Но собака не помышляла о своей неполноценности. И даже по собачьим меркам была совершенно особенной.

Мои писательские скетчи – этикие собаки-о-трёх-ногах. Если что-то ёкнет внутри, пока читаете, я победила. Если нет, ничего страшного. Собаке, по сути, всё равно.

Питер Пэн умер

Ещё на прошлой неделе Питер был жив, он дурачился. Но уже в среду или четверг стало ясно, что борьба с пиратом Крюком его изрядно потрепала, так, что он и сам постепенно становился похожим на него.

Питер больше не вступался за мальчишек и не искал им маму. Он не боролся за справедливость, его не удивлял удар в спину. Он больше не летал.

Нельзя было подходить к Питеру. Говорить с ним тоже было запрещено. Питер умирал.

Свет от него ещё слабо теплился. Каждый из мальчишек хотел погреть свои озябшие ладони, но не решался. Они были готовы есть понарошку, сидеть в дупле, лишь бы Питер выжил. Вдруг снова сделался прежним – таким лёгким и лучезарным, бесстрашным или даже бесшабашным по меркам взрослых.

Но Питер умирал. А с ним переставал существовать целый волшебный остров с пиратами и домиками на деревьях.

Песня

Мы висели над пропастью. Вагончик, который тащил нас, резко остановился, качнулся пару раз и замер.

Ещё у подножия разболелась голова, как будто кто-то давил на глазные яблоки. И теперь, запертая в небольшой кабине, висящей на тросе где-то в горах, я дышала, концентрируясь на потёках от ливня.

Погода менялась. Мы висели в тумане, разглядывали плотную белизну в окне. Забарабанил дождь. Я кожей чувствовала, как тяжёлые капли хлещут по крыше. Зазвенел град, соревнуясь с ливнем. Снова заволокло тучей.

Нас было пятеро. Рядом сидела пожилая пара, напротив – лысый парень, который невпопад шутил, и женщина неопределённого возраста в голубой куртке. Мы притихли.

Молчали долго. Или время здесь, на краю, тянулось по-другому? Как в детстве жвачка, которую наматывали на палец. Накатывала тошнота. Вдруг мужчина запел.

Он не насвистывал, не шутил, не говорил, мелодично растягивая слова, а именно пел. Тихо и серьёзно. Кажется, это

было что-то из Высоцкого.

– Если парень в горах не «Ах», если сразу раскис и вниз,
Шаг ступил на ледник и сник, оступился и в крик.

Никто не повернул головы. Но каждый внимательно слушал – без тени усмешки. Вагончик тронулся и медленно пополз.

Папа

Не помню, смотрела ли я когда-нибудь ему в глаза. Помню руки. Жилистые, напряжённые. Он нёс жестяные вёдра, вода расплёскивалась – прямо на старенькие рваные кроссовки. Эти руки, со вздувшимися от натуги венами – носили и носили воду из болота.

#

Болотце располагалось в низине дачного посёлка. К нему вели полуразрушенные каменные ступени, поросшие крапивой и одуванчиками.

#

Еще там была ежевика. Она росла, где придется. Мы носились по кустам, вниз по ступеням, прямо к болоту с низким полусгнившим мосточком. Иногда съезжали по мокрой земле, траве, хохоча, наперегонки.

У пруда росли огромные лопухи, и ветви ивы клонились к воде. На мутной глади плавали клопы-водомерки. Как только он зачерпывал воду – насекомые тут же разбегались по сторонам.

#

Комары кусались, руки были синими от раздавленной ежевики. Глаза запоминали каждую травинку.

#

Он трудился. До самого вечера. Потом усаживался позади недостроенного дома – на деревянные доски, усаживал нас и давал каждой по куску хлеба и варёному яйцу. Смешно было стучать тупым концом яйца о деревяшку, чтобы скорлупа дала трещину. А потом ковырять потемневшим от грязи пальцем, очищая.

#

Руки он нам мыл в корыте. Там, в корыте, была своя жизнь. Карабкались жучки, плавали пожухлые листья. После поливал руки из пластиковой бутылки.

#

Потом, когда мы росли, этих бутылок становилось всё больше – они валялись под яблоней, отчего та сердито шелестела листьями.

#

Как было вкусно есть! Там, за недостроенным домиком, вечером, пока надоедливые комары жужжали вокруг. С хрустом откусывали свежий редис, держа его за хвостик. Слабый сладкий чай пили по очереди – из небольшой крышки от термоса.

#

Я не помню, сажал ли он нас на колени, разговаривал ли с нами. Но я знала, что он нас любит. Очень любит.

Убийство

Я туда возила своё чувство. Я помню, как проснулась – а оно со мной. Умылась, оделась, вышла в свежее утро – оно следовало по пятам. С ним мы сели в такси и молча доехали до небольшого моста.

Там я купила в только что открывшейся кофейне хотдог и большой стакан капучино. Рядом текла бурная каменистая река, за ней виднелась канатная дорога и горы. Я подошла к столику, расположившему у бурлящей воды, сняла один стул и стала есть.

Потом взяла своё чувство на руки (заметно отяжелело) и поехала с ним в горы. Мы поднимались всё выше, я слушала тишину, начался град. Я понимала, как смехотворно выгляжу с несурзным существом на руках – местами лохматым, вспыхивающим разноцветными огоньками.

Я сошла на какой-то канатке и зашагала вниз, по еле приметной тропинке. Ноги мои соскальзывали на снегу, местами виднелись редкие цветы. Я шла и думала о том, что чувствую себя очень тяжёлой вот уже пару месяцев, и с этим пора кончать.

Я заметила полуразрушенный настил и обрыв ещё издали. Чувство топало за мной, оно вдруг стало крупнее, появилось несколько пар дополнительных ног, из прищуренных настороженных глаз сочился чистый мёд – прямо на дорогу. Из милого пушистого зверька оно превращалось в огромного перемазанного сладостью паука.

Рядом с обрывом было довольно живописно. Перед нами простирались вдруг выплывшие из-за облаков пики седых молчаливых гор. Неподалёку росли сосны, дорога петляла вниз и куда-то вбок. Я взглянула на моего мохнатого попутчика и толкнула его вниз. Подышала, медленно развернулась и, подскользываясь на подтаявшем снегу, зашагала обратно.

Планета

Выйти из маленькой густо натопленной бани – свежей, чистой до скрипа, новенькой, почти младенец с бирочкой.

Выйти и вдохнуть как можно больше тёплого летнего воздуха, чтобы запомнить, законсервировать его в себе для гладких злых ледяных зимних дней.

Выйти и сразу уткнуться в роскошный в своём бесстыдном распутстве куст отцветающих пионов – склонили головы вниз под собственной тяжестью.

Выйти в чёрную сплошную бархатную ночь и запрокинуть голову вверх. Смотреть туда, где Большой и Малый ковш, и Кассиопея, и другие какие угодно звёзды, метеориты, планеты, туманности, причудливо закрученные в спирали и вихри.

Смотреть вверх, пока не заболит с непривычки шея. Смотреть и думать о бесконечности и чёрных дырах, в которых всё превращается в ничто.

Выйти и слушать ленивый лай собак, дальний шелест шин по дорогам, тонкий свист какой-то пичужки и огромную

властную, ни с чем не сравнимую драгоценную тишину.

Выйти и почему-то вспомнить вкус сочных спелых поздних яблок, непременно с отбитым мягким боком. И сладкой переспевшей вяжущей черёмухи. До слюны во рту и сведённых скул.

Выйти и чувствовать себя свободной от времени года, обстоятельств и обязательств, скуки и страха, национальностей и территорий, возраста и ожиданий.

Выйти и объяснить миру, что пришёл не бороться, а любить. Таким, какой есть. И ничего не просить взамен.

Молитва

В лысеющем парке я видела дедушку. Он был маленьким, сторбленным, одетым во что-то тёмное, я не запомнила.

Он вёл на странно длинном поводке коричневого пуделя. Я ещё подумала, что таким же пуделем, только чёрным, был Мефистофель, когда впервые проник в келью Фауста, называя себя «частью силы той, что без числа творит добро, всему желая зла».

Дедушка постоянно крестился, низко опустив голову. Я в растерянности вертела головой в поисках церкви, но её не было поблизости – одни кусты, лавочки, дома.

Чем больше я отдалялась, тем больше фигура казалась знаком вопроса. Она как будто говорила: Почему это с нами происходит? За что нам всё это?

Я шла и думала, что так выглядел старенький провизор из романа Мариенгофа «Циники»:

«В детские годы я был уверен, что у Бога лицо старенького провизора Моносзона. Когда меня без вины стегали ремнем, я огорчался за Бога. Мне казалось, что он, как Лев Моисее-

вич, засунул за какой-то шкапчик свои очки и потому плохо видит, что делается на земле».

Пасха

Пакеты выцветшие, краска кое-где стерлась, ручки перекручены. Внутрь лучше не заглядывать – там, на самом дне, вперемежку лежали карамельки и шоколадные конфеты, вафли, леденцы и разноцветные яйца.

Бледно-голубые, желтые, красные и, конечно, сочного кирпичного цвета – от луковой шелухи. Эти яйца, с треснувшей скорлупой, местами оголённые, с коричневыми подтёками на белке – были нашими сокровищами.

Тогда, в солнечный апрельский день, девятиэтажки были выше. С самого утра мы выбегали из дома. Сначала – в «Стекляшку», магазин, где были пустые прозрачные полки и большие стекла.

Мы никогда не готовились заранее. Брали день-в-день кассету яиц и кулёк шоколадных конфет. Целлофановый пакет, надорванный сбоку, весь день лежал на шкафу. Вдруг кто-то придет.

А наши сокровища, собранные за утро магической фразой «Христос Воскрес», валялись на столе в кухне. К концу дня там оставались только карамельки.

Праздник надвигался со всех сторон: приветливыми соседками, солнечными бликами, огромной кастрюлей с луковой водой – так и хотелось залезть туда руками. Нашими лёгкими курточками и варёными вкрутую яйцами на завтрак, обед и ужин. Мы никогда не думали, зачем. Нам, детям, было достаточно, что взрослые вокруг едины и радостны.

Воздух

Кажется, выйдешь на улицу, а там воздуха больше нет. Будешь стоять с надутыми щеками. А в голове – «слушаю наше дыхание, я раньше и не думал, что у нас...».

Или попадешь в толщу воды, до того плотную, что безвольные руки и ноги будут долго болтаться в пространстве. Что-то вроде аквариума, мимо изредка проплывают рыбы с круглыми глазами на чешуйчатых боках. Тишина.

Или вдруг выйдешь, а вместо пространства – желе. Погружаешь руки, ноги в плотную жижу, вот уже грудь по пояс, по шею, голова. Силишься открыть глаза, но желе давит на веки.

Но вот ты делаешь шаг из подъезда и воздух всё тот же. И долго стоишь, пытаешься вспомнить, зачем вышел.

Роддом

Я очнулась в коридоре. Это был один из многочисленных коридоров больницы, тёмный и узкий, как кишка. В таких коридорах совершенно бессмысленно красить стены, никто их не запоминает.

Поняла: лежу на каталке, на животе – огромный холодный кирпич. Ног почти не чувствую, в горле пересохло. Вижу полосу света на потолке, то появляется, то исчезает. Смотрю на неё довольно долго, понимаю, это неисправный светильник.

На меня постепенно наваливается смысл. Коридор, каталка, свет, кирпич на животе. В какой-то момент начинаю шептать. Шепчу настойчиво: – Алиса, Алиса.

Не могу громче, но надо кому-то сказать, спросить, узнать. Приходит медсестра, поднимает холодный кирпич, мнёт живот, говорит кому-то. Я почти хриплю: – Алиса.

Она приближается ко мне. Спрашивает: «Что? Алиса? Кто это?». «Моя дочь, – отвечаю за себя я. – Где моя дочь?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.